

ЭО, 2008 г., № 2

© **В.Ю. Бахолдина**. Рец. на: *Антропология коми* / Отв. ред. Г.А. Аксянова. М.: ИЭА РАН, 2005. 280 с.

Коллективная монография “Антропология коми” представляет собой широкую панораму данных по истории, этнографии и физической антропологии народа коми и является ценным источником информации о коми, аккумулируя этнографические, демографические, исторические и антропологические сведения, собранные в течение последних 65 лет.

Первая часть книги – “Исторические и демографические процессы в Коми крае” – состоит из трех глав. Первая посвящена истории и современному состоянию заселения края Коми, которое началось, судя по археологическим источникам, еще в эпоху нижнего палеолита. Автор главы И.Л. Жеребцов в сжатом и динамичном изложении разворачивает картину возникновения, передвижения и взаимодействия древних племен, в процессе которого на Северо-Востоке Европы на рубеже I–II тыс. н.э. появляется новый народ – древние коми. Предполагается, что в их формировании приняли участие два основных этнических пласта – коренное население этого края, принадлежавшее к ванвиздинской культуре, и мигранты из Прикамья, которые принесли с собой навыки земледелия и скотоводства. Таким образом, коми изначально представляли собой народ, возникший в результате межэтнических смешений. Почти сразу после своего формирования, уже с XII в., они оказываются вовлеченными в новые метисационные процессы, на этот раз в связи с появлением в их краях русских переселенцев.

Народ коми на протяжении своей истории не раз “испытывался на прочность”. Как пишет И.Л. Жеребцов, в начале XVII в. наступило заметное изменение климата, что повлекло за собой многочисленные стихийные бедствия, голод и высокую смертность и вынуждало к освоению новых необжитых районов. После смягчения климата в конце XVII в. численность населения начала стабильно расти, и вплоть до 1920-х годов продолжалось активное расселение коми. Однако в 1920–1930-е годы миграция населения была поставлена под жесткий контроль государства, а объединение крестьян в колхозы лишало их права свободных переселений. С этого момента территория, заселенная коми, начинает сокращаться. В конце 1920-х годов сюда направляются десятки тысяч заключенных, затем – спецпереселенцев, раскулаченных, депортированных; в послевоенный период в Коми АССР прибывают рабочие для лесной, угольной и нефтегазовой промышленности, поэтому до 1994 г. доля коми в структуре населения постоянно снижается. Сейчас, как указывают демографы, в республике по-прежнему сохраняются неблагоприятные тенденции демографического развития. Подобный прогноз делает особенно актуальным широкое исследование коми, предпринятое авторами работы.

Вторая глава представляет собой этнографический очерк коми. Ее автор (А.И. Терюков) также приводит краткие исторические сведения, а затем подробно останавливается на особенностях земледелия, животноводства, охоты, рыболовства, оленеводства, народных промыслов, одежды и структуры поселений. К сожалению, в тексте нет анализа этнических заимствований, в результате чего остается неясным, какие из распространенных у коми элементов культуры являются древними, а какие заимствованы у соседних народов. Хотелось бы также получить какое-то представление о древних верованиях народа коми и об истории принятия им православия, но об этом упоминается лишь вскользь.

Третья глава посвящена демографическим процессам в г. Сыктывкар. Как справедливо отмечают авторы (Н.Х. и В.А. Спицыны), интенсивность урбанизации по всей России определяет значимость изучения воспроизводства городского населения для демографической картины в целом. Хотя в названии главы фигурирует один Сыктывкар, фактически здесь представлен сравнительный анализ демографической ситуации в четырех городах – Сыктывкаре, Казани, Чебоксарах и Саранске. Во всех случаях авторы учитывали такие параметры, как коэффициенты рождаемости

и смертности, соотношение возрастных групп, показатели репродуктивной функции женщин пострепродуктивной возрастной когорты, на основании которых рассчитывались индексы потенциального отбора и его компоненты. При этом в Сыктывкаре выявлены наиболее оптимальные параметры в процессах воспроизводства численности простого типа, в отличие от трех остальных городов, где наблюдается воспроизводство суженного типа и рост численности населения происходит в основном за счет мигрантов. К сожалению, в исследовании не учитывалась национальность женщин, и приведенные данные относятся к населению Сыктывкара в целом. Возможно, полученные авторами результаты позволяют предположить некоторое улучшение демографической ситуации в Республике Коми.

Вторая часть коллективной монографии посвящена физической антропологии коми и проблемам становления их антропологического типа и включает две главы.

В первой главе (Г.А. Аксянова) излагаются современные представления об антропологическом составе коми. Глава является центральной в монографии и представляет обширные данные многолетних исследований автора по соматологии коренного населения Северо-Востока европейской части России. Автор рассматривает историю изучения коми и соседних народов, представленную в работах Н.Н. Чебоксарова, К.Ю. Марк, М.В. Витова и В.Е. Дерябина. Подробно рассматривается проблема таксономической оценки положения коми в системе антропологической классификации в работах разных исследователей. Отмечается большое разнообразие точек зрения на эту проблему, что, по мнению автора, обусловлено трудностью антропологической дифференциации коренного населения Северо-Востока Европы, а также различиями в представлениях относительно локализации и распространенности уральского антропологического варианта.

Автором изучены несколько групп коми, представляющих значительную часть их ареала, а также коми-ненецкие метисы и колвинские ненцы. Впервые получена характеристика ижемцев из бассейна р. Усы, а также полностью публикуются материалы советско-финляндской экспедиции 1976 г., собранные совместно с К.Ю. Марк. Для сравнения были привлечены авторские материалы и данные литературных источников. Помимо собственно антропологического исследования, автор провела изучение фамильного состава изученных выборок и обнаружила понижение фамильного разнообразия выборок в направлении "юг-север". Г.А. Аксянова объясняет эти результаты меньшей численностью северного населения, но, возможно, эти данные можно было бы трактовать и как показатель меньшей смешанности северных групп. При этом, как указывается, сходство или различие между выборками по фамильному составу не всегда может служить надежным маркером степени их генетического сходства.

Описываются антропологические особенности изученных групп, текст сопровождается подробными статистическими таблицами. Интересны результаты относительно более высокой степени антропологической дифференциации между некоторыми женскими выборками (с. 107), а также относительно полового диморфизма, вариации которого автор объясняет различиями в степени метисации и адаптационными процессами. Констатируется также умеренный уровень антропологического разнообразия коми, для которых в целом характерен "относительно депигментированный комплекс черт северных европеоидов".

Следующей задачей, которую решает автор, становится поиск возможных генетических связей, выраженных в антропологических особенностях отдельных групп коми. Для этого проводится внутриэтническое и межэтническое сопоставление и предпринимается экскурс в историю изучения проблемы восточнобалтийского типа, которая тесно связана с проблемой формирования антропологического типа коми. Как отмечено, под термином "восточнобалтийский тип" понимается один из восточных вариантов северных европеоидов. Изучение представителей восточнобалтийского типа указывает на их сближение с пермскими финнами, особенно с южными коми-зырянами. По мнению Н.Н. Чебоксарова, южные группы коми-зырян могут быть отнесены к этому типу. Данные автора также выявляют тяготение южных коми к карелам и вепсам, представителям прионежского варианта восточнобалтийского антропологического типа, что может рассматриваться либо как свидетельство общности исходного древнего пласта этих народов, либо как след давних процессов метисации. При этом западные и северные коми (ижемцы) тяготеют к

группам северных русских, которые представляют беломорский, или ильменско-беломорский антропологический тип.

Таким образом, соматологическое исследование выделяет в составе коми-зырян два резко различающихся территориальных комплекса – южный и северный, каждый из которых сформировался в итоге длительного процесса метисации. Специфика северного комплекса свидетельствует, как справедливо замечает автор, о значительном вкладе населения русского Севера в генофонд современных коми. Эти результаты вполне ожидаемы, учитывая историю заселения края.

Г.А. Аксянова использует также метод кластерного анализа для проведения межэтнических антропологических сопоставлений. На дендрограмме (с. 145) часть выборки коми образует общий кластер, другие же расположены дисперсно. Результаты анализа позволяют обсудить возможные пути миграций групп коми и русских, а также наиболее вероятные регионы межэтнических смешений, которые, по мнению автора, наиболее интенсивно происходили в удаленных от морского побережья районах Пинеги, Мезени, а также на Выми и Ижме.

Смешение коми с колвинскими ненцами проявляется усилением у метисного населения монголоидных черт.

В системе современной антропологической классификации автор помещает коми между массивами представителей трех антропологических типов: ильменско-беломорского, восточнобалтийского и волжско-камского, считая возможным согласиться с диагностикой В.Е. Дерябина, предложившего обозначить комплекс характерных для этого народа антропологических особенностей как самостоятельный мезенско-печорско-вычегодский тип.

Вторая глава (автор Н.И. Халдеева) посвящена новой для отечественной антропологии системе показателей, которые характеризуют восприятие группами собственного физического типа. Эти исследования позволяют в определенной степени оценить направление полового отбора в современных популяциях и представляют значительную прогностическую ценность. Результаты изучения по этой программе коми, представленных студентами сыктывкарских вузов, показали ориентированность эстетических предпочтений в этой группе на реальный антропологический тип, свойственный коми. Как и в других популяциях, при выборе эстетических вариантов женской внешности отклонения от групповой антропологической специфики проявляются в большей степени, чем при выборе вариантов мужской внешности. Идеальная женская внешность для коми представлена светлыми глазами и волосами, вогнутой спинкой носа и нешироким лицом, а идеальная мужская внешность характеризуется темными волосами, прямой спинкой носа, угловатым и широким лицом. Эстетический выбор женщин в отношении мужчин отличается также более полными губами. Таким образом, итоги исследования эстетических предпочтений в группе коми могут свидетельствовать о внутриэтнической направленности вектора полового отбора.

В третьей части книги представлены данные по дерматоглифике, одонтологии, краниологии коми, а также итоги изучения коми по программе морфогенетических признаков.

В первой главе (Н.А. Долинова) проводится сравнительное дерматоглифическое исследование коми-зырян и коми-пермяков. Изучено семь групп коми-зырян (коми) и пять групп коми-пермяков; использованы статистические методы межгрупповой шкалы и метод главных компонент, по результатам которого построены дендрограммы; приведены также полигоны по основным дерматоглифическим признакам. По признакам дерматоглифики отмечается меньшее разнообразие женщин и их близость к волго-камскому варианту. Коми-зыряне и коми-пермяки дерматоглифически практически не различаются. Возможно, в этом можно видеть проявление их древнего родства, относящегося к тому времени, когда еще не произошло разделения древней финно-пермской общности.

Особенностям одонтологического типа коми посвящена вторая глава (Г.В. Рыкушина), основная часть материала которой собрана в 1971–1976 гг. большой группой исследователей. Анализ результатов показал, что коми отличаются преобладанием особенностей западного одонтологического ствола, но по частоте коленчатой складки метаконида, а также по уровню редукции верхнего латерального резца и гипоконуса на верхних молярах они сближаются с представителями восточного одонтологического ствола. По комплексу одонтологических особенностей коми сближаются с коми-пермяками, венграми, карелами, манси, финнами и удмуртами. Автор предполагает, что широкий спектр антропологических параллелей среди финно-угров может рас-

смагиваться как отражение древних связей между популяциями финно-угорской общности. Суммарная группа коми оказалась наиболее близкой к коми-пермякам, что, в общем, подтверждает предположение автора. Довольно позднюю дивергенцию коми и коми-пермяков демонстрируют и результаты кластерного анализа.

В составе коми также выделяются две группы, из них северная отличается большей европеоидностью. Кроме того, по результатам одонтологии в группах коми выделяется еще так называемый северный грацильный тип, мозаично представленный в отдельных популяциях. Некоторые особенности одонтологии коми указывают на какие-то южные связи, что, по мнению автора, свидетельствует о древних контактах представителей прауральской общности с южными регионами. Восточный комплекс признаков, который выделяется в составе коми, мог проникнуть на эту территорию тремя путями – южным, северным и среднеуральским. Как пишет автор, “контакты пришельцев с местным населением и дали тот спектр антропологического разнообразия, которое мы наблюдаем сегодня” (с. 232).

В третьей главе (В.И. Хартанович) освещаются проблемы краниологии коми. Этому предшествует чрезвычайно содержательный исторический очерк. Так, автор отмечает, что в X–XII вв. граница расселения предков коми-зырян – древней перми вычегодской – проходила значительно западнее современного компактного ареала. В XIII–XV вв. местное финноязычное население этих территорий растворилось в русской среде, но отдельные его островки сохранялись вплоть до начала XX в. При этом носители пермского или древнего коми-языка появились в бассейне Северной Двины только во второй половине I тыс. н.э., а древнейшее палеолитическое население этого района, скорее всего, представляло собой мигрантов с юго-запада, из средних областей Русской равнины, и из Сибири. В эпоху мезолита здесь представлен широкий спектр родственных культур, охватывающих территорию от Нижней Волги до Печоры. Связи этого населения вели и на запад, и на юг, вплоть до Приаралья и Средней Азии. Древнепермская общность представлена памятниками ананьинского типа раннего железного века, а во второй половине I тыс. н.э. – памятниками ванвиздинской культуры. Пермь вычегодская могла иметь и местные корни, но не исключаются и древние миграции из Прикамья и Прибалтики.

Автор приводит также краткие, но исчерпывающие сведения по истории антропологического изучения коми и отмечает, что до недавнего времени практически отсутствовали данные по краниологии этого народа. Основой для исследования автора послужили две краниологические серии XIX – начала XX в., которые относятся к верхневыхогодской и сысольской группам коми. Изученные серии представляют два варианта одного и того же краниологического типа, который отличается высоким брахикранным черепом с широким, высоким и ортогнатным лицом с умеренной горизонтальной профилировкой, высоким переносьем и сильно выступающим носом. Мужские серии коми обнаруживают сходство с черепами карел и существенно отличаются от коми-пермяков, причем это направление сходства обнаруживается как по размерам, так и по форме. Анализ главных компонент показал, что весь сравниваемый материал отчетливо разделяется на две группы – карельские серии и другие серии финноязычного населения Европы. При этом наибольшая близость к карелам обнаруживается для серий коми-зырян.

Представляется, что в целом результаты краниологического анализа могут рассматриваться как совпадающие с результатами соматологического в той его части, где речь идет о тяготении южных коми к восточнобалтийскому варианту.

В последней главе (авторы Г.А. Аксянова, А.А. Евтеев, Д.А. Смирнова) рассматривается распределение и половой диморфизм некоторых морфогенетических маркеров: тип ушной серы, способность свернуть язык трубочкой, соотношение длины 2-го и 4-го пальцев рук, тип сцепления пальцев и рук, обволоченность средних фаланг пальцев, направление волосяного завитка на талии у мужчин. По этим признакам изучены группы коми-ижемцев бассейна Усы; потомки от коми-ненецких браков; колвинские ненцы, которые, как отмечается, также представляют собой метисную популяцию; восточные ханты бассейна реки Большой Юган, а также нганасаны Дудинского и Хатангского районов Таймырского автономного округа. Показано, что все изученные маркеры отличаются высокой межгрупповой вариабельностью и разным уровнем полового диморфизма. По типу ушной серы северные коми оказываются в пределах изменчивости европео-

идных вариантов, а потомки от коми-ненецких браков демонстрируют явный монголоидный сдвиг. Интересно положение по этим маркерам группы хантов, которые по одним признакам занимают промежуточное положение на европеоидно-монголоидной шкале, а по другим обнаруживают собственную специфику с мозаичной комбинацией частот. Система морфогенетических маркеров также демонстрирует некоторое расхождение в сходстве мужских и женских выборов: женщины групп хантов и ненцев оказываются более сходными, чем мужчины.

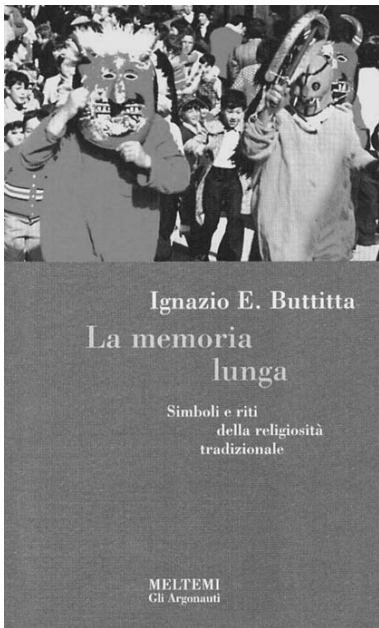
Книгу завершает аналитическое заключение и подробная библиография; несомненным ее достоинством являются качественные фотоиллюстрации.

При чтении монографии ощущается явная нехватка хорошей карты, поскольку первая схема на с. 7 приведена вне географического контекста и не пригодна в качестве иллюстрации очень подробных географических описаний, а на второй схеме (с. 59) отсутствуют географические названия.

В целом книга "Антропология коми" оставляет впечатление труда исследователей, неравнодушных к истории и судьбе этого народа. Результаты исследования коми, как, наверное, и результаты исследования любого другого российского этноса, убеждают читателя в невозможности разделить этнические судьбы народов, издавна населяющих Россию, древние генофонды которых переплелись, как корни старых деревьев, и уже трудно определить, от какого корня идут новые молодые и зеленые побеги.

ЭО, 2008 г., № 2

© М.Е. Кабицкий. Рец. на: *I.E. Buttitta. La memoria lunga. Simboli e riti della religiosità tradizionale*. Roma: Meltemi, 2002. 258 p.; *I.E. Buttitta. Il fuoco. Simbolismo e pratiche rituali*. Palermo: Sellerio, 2002. 212 p.; *I.E. Buttitta. I morti e il grano. Tempi del lavoro e ritmi della festa*. Roma: Meltemi, 2006. 288 p.; *I.E. Buttitta. Feste dell'alloro in Sicilia*. Palermo: Fondazione Ignazio Buttitta, 2006. 143 p., il.

В наше время распространения новых подходов классическое этнографическое исследование, изучение и фиксация традиционной культуры порой встречают пренебрежительное отношение как "немодные", недостаточно актуальные с методологической точки зрения. Это явление свойственно не только нашей стране, характерно оно, в частности, и для европейских стран. Между тем подобное отношение нельзя признать справедливым. Даже на таком, казалось бы, давно описанном и изученном пространстве, как Европа, остается еще поле для работы и даже необходимость в "неотложной этнографии", как говорил Франц Боас. Традиционная материальная культура в значительной части регионов выходит из живого бытования. Но сохраняются культура духовная, традиционные формы коммуникации и социабельности, праздники и обряды, которые дают немало стимулов и отправных точек для теоретических исканий и разработок. Неслучайно именно в русле изучения обрядов возникает в истории науки незаурядная фигура А. ван Геннепа, принесшая европейской этнологии авторитет и популярность дисциплины, в которой тоже возможны интересные открытия и методологические прорывы.

Одним из представителей молодого и активного поколения европейских этнологов является Иньяцио Эмануэле Буттитта. Родившись в семье, тесно связан-